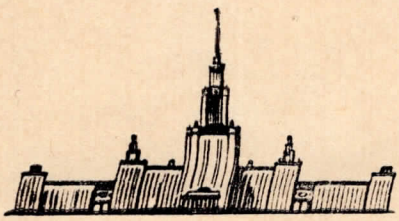
Вестник МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ ЭКОНОМИКИ,
ФИЛОСОФИИ, ПРАВА

2



1956

Вестник МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

П 23
2338

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
одиннадцатый год издания

СЕРИЯ ЭКОНОМИКИ,
ФИЛОСОФИИ, ПРАВА

ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В КВАРТАЛ

2

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1 9 5 6

Вестник
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
№ 2 – 1956

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г. В. ПЛЕХАНОВА

М. Т. ИОВЧУК

Г. В. ПЛЕХАНОВ И ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Выдающийся пропагандист марксизма, борец за научное материалистическое мировоззрение Георгий Валентинович Плеханов был глубоким и разносторонним исследователем истории идеологии, в особенности истории философии и общественной мысли.

В трудах Плеханова большое и почетное место занимают вопросы истории русской философии и русской общественной мысли вообще. Уже в первых своих марксистских работах «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» он показывал связь между освободительным движением в России и передовыми идеями русских революционных мыслителей, особенно Н. Г. Чернышевского. Перу Плеханова принадлежат: капитальное исследование о Н. Г. Чернышевском (вышедшее двумя изданиями — в 1894 г. и в 1910 г., существенно отличающимися друг от друга) и несколько статей об этом славном русском революционере, ряд ярких и содержательных статей о великом русском критике В. Г. Белинском (написанных в 1897—1899 гг. и в 1910—1911 гг.), несколько работ об А. И. Герцене (написанных в 1911—1912 гг. в связи со 100-летием со дня рождения основателя вольной русской прессы), ряд статей и рецензий на книги о борьбе между «западниками» и панславистами (о В. Н. Майкове, П. Я. Чаадаеве, В. С. Печерине, М. П. Погодине, И. В. Киреевском), статьи о писателях-народниках и Льве Толстом, обобщающая работа по истории общественной мысли в России от Киевской Руси до начала XIX в. (незавершенная Плехановым) и многие другие.

Работы Плеханова по истории русской философской, эстетической и общественно-политической мысли далеко не однородны и не равноценны по своему идейному содержанию. На тех из них, которые написаны в меньшевистский период деятельности Плеханова, когда произошло его политическое грехопадение, и особенно после 1912 г., когда Плеханов, до этого боровшийся с ликвидаторами, повернул вправо, лежит отпечаток оппортунистических ошибок и отступлений от марксизма. Но через все марксистские работы Плеханова красной нитью проходит стремление верно оценить искания русской общественной мыслью пра-

вильной революционной теории и показать, что такой теорией для России, как и для других стран мира, стал марксизм.

Плеханов был страстным защитником и продолжателем лучших традиций русской революционной мысли, традиций материалистических и диалектических. Начав свой идейно-теоретический путь в период своего революционного народничества с изучения передовых идей Белинского и Чернышевского, он на всю жизнь сохранил глубокое уважение и неослабевающий интерес к их теоретическому наследию. Став в 1882—1883 гг. марксистом, Плеханов с позиций диалектического и исторического материализма по достоинству высоко оценил философские, социально-политические и эстетические идеи русских революционных мыслителей XIX в. Он продолжил начатую революционными демократами борьбу за передовую литературу и искусство, их поиски правильной революционной теории, освещающей путь освободительному движению. Заботливо сохраняя и отстаивая от посягательств реакционеров и либералов великие завоевания русской демократической культуры и прежде всего ее выдающихся представителей Белинского и Чернышевского, Плеханов видел тесную связь и преемственность между ними и теми элементами социалистической культуры международного пролетариата, которые росли и развивались на идейной почве марксизма, на прочной основе революционного рабочего движения. Марксистские труды Плеханова представляют собой социалистические элементы в культуре русского народа. Его философские идеи представляют собой одно из выдающихся достижений той солидной материалистической традиции, которая, говоря словами В. И. Ленина, к счастью, имелась у главных направлений общественной мысли России [1]. Высоко оценивая выдающуюся роль Плеханова в развитии передовой русской культуры, в защите ее лучших, демократических традиций, В. И. Ленин в 1913 г. писал: «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве,— но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова» [2].

Лейтмотивом, звучащим во всех произведениях Плеханова по истории русской общественной мысли, была идея о тесной связи передовых течений русской мысли с прогрессивными направлениями западноевропейской общественной мысли, о том, что передовая философская и общественно-политическая мысль в России XVIII — XIX вв. испытывала плодотворные влияния теоретической мысли Запада и откликалась на революционные события в Западной Европе.

Было бы неправильно сделать из этого вывод (что, к сожалению, было сделано многими историками философии и русской общественной мысли), будто Плеханов рассматривал русскую мысль лишь как плод заимствования у Запада, не обращал внимания на исторический ход общественной жизни и классовой борьбы в России, не признавал самостоятельности и оригинальности русских мыслителей [3].

В действительности же, если обратиться к работам Плеханова, в том числе и по истории русской общественной мысли, станет ясным, что он, создавая эти работы, широко использовал и высоко оценивал многочисленные источники, не только западноевропейские, но и русские, свидетельствующие о богатстве и многообразии русской общественной

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 201.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 16.
[3] Должен заметить, что и в моих работах, написанных в 1946—1952 гг., допускались формулировки, близкие к таким необоснованным мнениям.

мысли, глубоко анализировал русскую историю (хотя и совершал ошибки в оценке русского исторического процесса), прослеживал идейную борьбу между реакционными и прогрессивными направлениями в русской общественной мысли, между материализмом и идеализмом в философии. Плеханову чужды либерально-космополитические концепции, которые не оставляют места для особенностей исторической жизни страны, национальных традиций и т. д.

В своих трудах Плеханов проводил марксистскую мысль о том, что общие закономерности развития идеологии, в том числе и философии, специфическим образом проявляются в различных странах в зависимости от условий экономического быта, классовой борьбы, особенностей идеологической жизни и т. п., что опровергает схематический подход к истории общественной мысли, игнорирующий ее национально-исторические особенности.

В первом издании своего произведения «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Плеханов доказывал, что каждое литературное течение, каждая философская идея приобретает свой особый оттенок, иногда почти новый смысл, в каждой из отдельных цивилизованных стран. В этой же книге он утверждал, что *«всякое общество живет в своей особой исторической среде, которая может быть часто и действительно — бывает — очень похожа на историческую среду, окружающую другие народы, но никогда не может быть и никогда не бывает тождественна с нею.* Это вносит чрезвычайно сильный элемент разнообразия в тот процесс общественного развития, который с нашей прежней, отвлеченной точки зрения представлялся до крайности схематичным» [1].

Плеханов доказывал, что Европа нового времени имела целую систему обществ, сильно влиявших одно на другое, и вместе с тем развитие идеологий в каждом из этих обществ обладало большими особенностями. Он говорил, например, о большом расстоянии, которое отделяло от Локка его французских учеников — материалистов XVIII в., и далее приводил тот факт, что философия немецкого мыслителя Канта, испытавшая влияние идей английского философа Юма, сильно разнится от них, не говоря уже о философии французских материалистов. «Тот же самый фонд идей,— заключал Плеханов, имея в виду критическое отношение к схоластике и догматизму,— приводит к воинствующему атеизму французских материалистов, к религиозному индифферентизму Юма, к «практической» религии Канта. Дело в том, что религиозный вопрос в Англии того времени играл не ту роль, какую играл он во Франции, а во Франции не ту, какую в Германии. А это различие в значении религиозного вопроса обусловливалось тем, что в каждой из этих стран общественные силы находились не в том взаимном отношении, в каком находились они в каждой из остальных. Одинаковые по своей *природе,* но не одинаковые по степени развития, общественные элементы различно сочетались в различных европейских странах и тем причиняли то, что в каждой из них было очень своеобразное *«состояние умов и нравов»,* выразившееся в национальной литературе, в философии, в искусстве и т. д.» [2].

Анализируя историю общественной мысли в России, в том числе развитие философской мысли, Плеханов с присущей ему эрудицией и разносторонностью привлекал большой материал по истории экономи-

---

[1] Г. В. Плеханов. Соч., т. VII, М., 1923, стр. 211.
[2] Там же, стр. 213—214.

ческой жизни, борьбы классов, истории политических и правовых идей, литературы и искусства и т. д., что позволяло более глубоко и детально объяснять историческую эволюцию философских, социологических и эстетических идей в России. В гораздо меньшей мере обращался Плеханов к истории естествознания в России. Иногда он недооценивал, как это видно, например, из его работ о Герцене и книги о Чернышевском, выпущенной в 1910 г. в издательстве «Шиповник», достижений собственно-философской мысли в России, считая, что русское общество в XVIII—XIX вв. не могло похвалиться серьезным философским образованием.

Вместе с тем Плеханов видел преемственность в развитии революционных общественно-политических идей в России, с полным основанием считал русских марксистов наследниками всех достижений русской революционной мысли. Он писал: «Наши нынешние взгляды и стремления представляют собой органический продукт истории русского революционного движения» [1].

Выступления Плеханова с трудами по истории общественной мысли, в том числе и по истории философии в России, как правило, были связаны с интересами идейно-политической борьбы марксизма против реакции и либерализма. В 80—90-х годах и начале 900-х годов Плеханов отстаивал лучшие традиции русской материалистической философии и передовой общественной мысли от помещичье-монархической реакции, которая насаждала в русском обществе идеализм и мистику, от идеологов либеральной буржуазии, которая принижала русскую общественную мысль и звала ее на выучку к западноевропейской буржуазии, от либеральных народников, которые раздували утопические и идеалистические стороны в учениях так называемых «шестидесятников» и отрекались от их материализма и революционной диалектики.

В 1892 г. Плеханов писал: «Торжествующая реакция облекается у нас теперь, между прочим, и в философский наряд, как об этом свидетельствует, например, журнал «Вопросы философии и психологии». Отрицательное направление шестидесятых годов третируется, как нечто весьма легкомысленное и неосновательное, а г.г. Астафьевы, Лопатины и подобные им любомудры признаются значительными философскими величинами... Русским социалистам неизбежно придется считаться с этой философской реакцией, а следовательно, и заниматься философией. В этой области,— как и в экономии, как и в политике,— Маркс и Энгельс будут самыми надежными их руководителями» [2].

В годы реакции, после поражения революции 1905—1907 гг. Плеханов, являвшийся в то время меньшевиком-партийцем, выступил как союзник Ленина, большевиков в их борьбе за наследие русской революционной мысли, против контрреволюционного либерализма и «веховства», которое третировало и поносило все то лучшее и передовое, что было в освободительном движении и общественной мысли России XVIII—XIX вв. В то же время он боролся против разрыва с традициями русской революционной мысли, который совершали открытые ликвидаторы и ликвидаторы «наизнанку», против увлечения части интеллигенции религиозными исканиями. Плеханов выступил также — хотя и не во всем правильно, поскольку он критиковал махизм с меньшевистских позиций, пытаясь нанести фракционный ущерб большевизму,— против махистов и богостроителей в рабочем движении, отступав-

---

[1] Г. В. Плеханов. Соч., т. IX, стр. 51.
[2] Г. В. Плеханов. Соч., т. VIII, стр. 311.

ших от марксизма, от лучших, материалистических и атеистических традиций русской и западноевропейской мысли. В годы реакции, в своей полемике с Гершензоном, Бердяевым, Ашевским, Богучарским, Ивановым-Разумником и другими буржуазными историками русской общественной мысли, фальсифицировавшими лучшие ее достижения и восхвалявшими мистические, славянофильские и другие реакционные направления в русской мысли, Плеханов, хотя и не без ошибок, поддержал борьбу Ленина, большевиков, которые защищали наследие русских революционно-демократических мыслителей и протестовали против преклонения перед религиозно-мистическими воззрениями. Плеханов выступил с критикой проповеди мистических взглядов и морали «непротивления злу» Л. Н. Толстого, которой занимались ренегаты от революции, ликвидаторы и т. п., беззастенчиво спекулируя его именем и раздувая ошибочные идеи великого писателя. В. И. Ленин отметил положительное значение выступлений Плеханова против «толстовской кампании», которую вели тогда реакционеры и либералы. В письме А. М. Горькому в январе 1911 г. он писал: «Насчет Толстого вполне разделяю Ваше мнение, что лицемеры и жулики из него святого будут делать. Плеханов тоже взбесился враньем и холопством перед Толстым, и мы тут сошлись. Он ругает за это «Нашу Зарю» в ЦО... я в «Мысли»... В «Звезде» № 1 (вышла в С.-Петербурге 16.XII) есть тоже хороший фельетон Плеханова с *пошлым* примечанием, за которое мы уже обругали *редакцию*»[1]. В своих статьях и рецензиях этого времени Плеханов выявлял социальный смысл увлечения немалой части российской интеллигенции мистицизмом и другими реакционными взглядами, видя его в том, что происходило «приспособление тех взглядов, которые свойственны известной части нашей «более или менее передовой» интеллигенции, к нынешнему положению нашей сознательной буржуазии»[2]. Вместе с тем он показывал и социальные причины отхода известных слоев интеллигенции от революционных и материалистических традиций русской мысли, коренящиеся в колебаниях, бесхарактерности, неустойчивости мелкобуржуазных слоев общества и проявляющиеся с особенной силой в периоды поражений революции. Он развенчивает фальшивые построения М. Гершензона и других представителей «Вех», которые, выражая настроение контрреволюционной буржуазии, клеветали на Чернышевского, Добролюбова, Белинского и других русских мыслителей (именуемых ими «рационалистами»), обвиняя их в том, что они, попавшись на удочку «грубого материализма», якобы не придавали значения свободе личности, «устроению духа» человека, то есть прогрессу его сознания, нравственности и т. п.[3]. Плеханов отмечает, что «религиозная идея» Гершензона и ему подобных, противопоставляемая «грубому материализму» и «рационализму» революционных русских мыслителей, «по существу не придает важности внешним переменам». «Такая «идея»,— пишет Плеханов,— не станет шалить социализмом. Словом, это как раз та идея, которая нужна нынешней буржуазии»[4].

Вместе с тем Плеханов разоблачал попытки «веховцев», прикрывавшихся ранее флагом науки, подменить науку религией, вернуться

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 383.
[2] Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 35.
[3] См. рецензию Г. В. Плеханова на книгу М. Гершензона «Исторические записки», Соч., т. XXIII, стр. 39—41.
[4] Там же, стр. 41.

в сфере философской мысли к забытым идеалистическим учениям, не выдержавшим испытания в ходе времени, и даже прямо к теологии. В рецензии на собрание сочинений славянофила И. В. Киреевского, вышедшее под редакцией того же М. Гершензона, ставшего веховцем, Плеханов говорил: «Грешно было бы утаить, что и сам г. Гершензон открыл «подлинную истину» в учении И. В. Киреевского единственно потому, что более или менее прогрессивная идеология, до недавнего времени господствовавшая среди русской интеллигенции, стала казаться ему слишком революционной. Г-н Гершензон, давно уже начавший кокетничать с «иррациональным», объявляет неверной, грубой, детски-наивной гипотезой материализм русской интеллигенции и ее веру в творческую силу общественных реформ». Этой гипотезе он противопоставляет другую, «несравненно более соответствующую действительности»... Он утверждает, что эта гипотеза «дана в Евангелии» и развита, между прочим, в учении И. Киреевского... Г-н Гершензон, вместе с другими сотрудниками пресловутых «Вех», выражает *упадочное* настроение наших серых дней. И чрезвычайно замечательно то, что этот герой безвременья чувствует большую симпатию к И. Киреевскому. Его сочувствие является новым подтверждением той моей мысли, что славянофильское учение не имеет ничего общего с прогрессом» [1].

Яркая и убедительная критика взглядов Погодина, Хомякова, Киреевского и других представителей религиозно-мистического направления в русской философской и общественно-политической мысли, острая полемика с веховцами и религиозными «искателями», либеральными и ликвидаторскими публицистами, воскрешающими этот старый реакционный хлам, защита материалистических и революционных традиций русской демократии XIX в.,— большие достоинства работ Плеханова, написанных в 80—90-х годах XIX в. и в годы реакции. Лучшие работы Плеханова по вопросам истории русской общественной мысли поэтому и ныне могут служить ценным оружием в идейной борьбе против писаний Бердяева, Зеньковского, Лосского и других белоэмигрантских историков русской философии, в которых вновь воспроизводится избитая веховская клевета на русскую материалистическую и революционную мысль и возвеличиваются религиозно-мистические течения в русской философии.

Каковы же важнейшие идеи плехановской концепции истории русской философии и общественной мысли?

Плеханов исходит из того, что русские революционные мыслители, особенно Белинский, Герцен, Чернышевский, были предшественниками марксизма в России, тесно связанными с освободительным движением. Поиски правильной революционной теории, служение народу и защита его интересов, критика либерализма, проповедь материализма, понимание диалектики как «алгебры революции», борьба за передовое искусство, как показал в своих трудах о русских революционных мыслителях Плеханов, сделали русских революционеров и утопистов-социалистов XIX в. идеологами освободительного движения в России, воспитателями передовых людей молодого поколения, предшественниками революционной социал-демократии в России. Тем самым Плеханов опрокидывал либерально-кадетские, веховские измышления о том, будто русская революционная мысль беспочвенна и страдает доктринерством.

Плеханов показывал, что русская передовая мысль развивалась не изолированно, а в тесной связи с мировой цивилизацией, в особен-

[1] Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 109—110.

ности с западноевропейским революционным движением. Правильно подчеркивая эту сторону дела, Плеханов здесь несколько, употребляя его выражение, перегнул палку; поскольку она была перегнута в другую сторону, то, когда нужно было ее выправлять, по его мнению, нельзя было обойтись без перегиба. В прошлом официально-монархические, религиозные, славянофильские историки русской общественной мысли нередко изображали русскую мысль, как связанную лишь с отечественной традицией, причем с традицией не материалистической, которая была и в России, а религиозно-мистической. Они стремились обособить русскую общественную мысль, оторвать ее от передовых течений общественной мысли Запада, с тем чтобы доказать, что западноевропейская цивилизация якобы сгнила, а достижения западноевропейской общественной мысли неприемлемы в России и должны быть отброшены и т. п.

Подобный «квасной патриотизм» в подходе к истории общественной мысли был особенно вреден в конце XIX — начале XX в., когда передовая революционная мысль в России, особенно марксистская, усваивала революционный опыт передовых в то время стран Западной Европы и творчески воспринимала прогрессивные философские и социально-политические теории Запада. Ведя плодотворную борьбу с реакционными историками и публицистами, которые стремились отгородить Россию от революционных идей Запада, от марксизма и с этой целью проповедовали теорию об «исконной самобытности» и «исключительности» русской мысли, Плеханов не обратил должного внимания на другую сторону дела, не всегда внимательно анализировал внутренний процесс развития философской мысли в России, иногда преувеличивал влияния западноевропейской философии на русскую философию и т. п.

Важной и положительной стороной плехановской концепции истории русской общественной мысли является то, что он, в противоположность славянофильским и либеральным историкам, рассматривал развитие русской философской и общественно-политической мысли не как «единый поток», лишенный противоречий и независимый от борьбы классов. Для Плеханова развитие общественной мысли, в том числе и русской, это история борьбы передовых просветительских и революционных идей с консервативными и реакционными идеями, а история русской философии есть история борьбы материализма с идеализмом.

Плеханов, особенно в первый период своей деятельности, прослеживая развитие русской революционной мысли в борьбе с либерализмом, видел наличие двух тенденций в русской общественной мысли — революционной и либеральной и отнюдь не сглаживал различия между ними. Говоря о «крайней партии» Чернышевского, воевавшей с либералами, он писал: «Трусость, недальновидность, узость взглядов, бездеятельность и болтливая хвастливость — вот отличительные качества, какие он видел в тогдашних либералах» [1].

Нет нужды доказывать, что симпатии Плеханова всецело на стороне революционных идей и материализма, причем он, не приукрашивая революционных мыслителей и прогрессивных философов России, как правило, высоко ставил их труды, прославлял их общественную деятельность.

В отличие от некоторых недальновидных и поверхностных исследователей, встречающихся и в наши дни, которые сомневаются в том,

[1] Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 84.

можно ли считать Белинского, Добролюбова, Чернышевского философами и социологами, раз они почти не писали специальных трактатов по проблемам теории познания или социологии, Плеханов умел найти «жемчужинки» философской и социологической мысли, разбросанные в литературно-критических и публицистических работах великих русских мыслителей. Поэтому он с полным основанием считал, что Белинский обладал «высокой философской организацией», и называл его «*гениальным социологом*», *хотя и отмечал тот факт, что у великого* русского критика не было специальных социологических исследований. Отмечая, что Чернышевский пошел дальше всех утопистов-социалистов Запада, он очень высоко ценил образцы применения Чернышевским революционно истолкованной диалектики и считал его «решительным материалистом». В. И. Ленин в 1899 г. писал: «Плеханов в своей книге о Чернышевском (статьи в сборнике «Социал-демократ», изданные отдельно книгой по-немецки) вполне оценил значение Чернышевского и выяснил его отношение к теории Маркса и Энгельса» [1].

Плеханов доказывал, что центральными проблемами русской передовой философской мысли были проблемы социологии, этики и эстетики. То, что проблемы гносеологии не стояли на первом плане в работах русских мыслителей, не удивляло Плеханова, ибо это было вполне закономерно, так как перед Россией стояли прежде всего задачи общественных преобразований, в идейной подготовке которых первостепенную роль должны были сыграть общественные науки, литература и искусство, прогрессивные социальные и этические идеи, вдохновлявшие передовых людей России на героическую, самоотверженную борьбу с царизмом. Он показывал, что теоретической основой этих воззрений Белинского в 40-х годах XIX в., Чернышевского, Добролюбова и других революционных мыслителей 50—60-х годов был боевой философский материализм, который, по его мнению, вытекал из материализма Фейербаха и представлял его применение на русской почве. Здесь, как нам представляется, Плеханов был не во всем прав, поскольку не видел, что русские мыслители, революционные демократы, следовавшие важнейшим принципам философского материализма Фейербаха, во многом пошли дальше него и, опираясь на диалектику и новые открытия естествознания, разрабатывали, по существу, новый вид материалистической философии, явившийся философским выражением интересов, настроений и чаяний революционного крестьянства. Плеханов вместе с тем справедливо отмечал, что русские мыслители-революционеры занимали прогрессивные позиции по многим вопросам философии и социологии, хотя и не вышли еще за пределы идеалистического понимания истории, например, тогда, когда они подчеркивали роль народных масс в истории, значение материального фактора и классовой борьбы в жизни общества, начинали понимать наличие противоречий в капиталистическом строе и т. д.

Проявляя сыновнее уважение к революционным мыслителям России, которые стремились к установлению новых общественных порядков, Плеханов развенчивал те антимарксистские силы, которые пытались уцепиться за устаревшие и ошибочные взгляды русских революционных мыслителей, например за идеализацию Чернышевским и Герценом сельской крестьянской общины, за либеральные иллюзии Герцена и т. д.

Первостепенное место в плехановской концепции истории русской

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 249.

философии и общественной мысли занимает научный марксистский анализ эстетических воззрений Белинского, Чернышевского, Добролюбова и других представителей русской революционной мысли. Плеханов, как правильно указывал А. А. Жданов в своем докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград», «много поработал для того, чтобы разоблачить идеалистическое, антинаучное представление о литературе и искусстве и защитить основные положения наших великих русских революционеров-демократов, учивших видеть в литературе могучее средство служения народу» [1]. Плеханов показал в своих работах, что Белинский и Чернышевский теоретически обосновали реализм в искусстве, применили философский материализм к эстетике, рассматривали искусство с исторической точки зрения, вели умелую и непримиримую борьбу против идеалистических теорий «искусства для искусства» и т. п.

Вместе с тем Плеханов раскрыл огромное идейно-воспитательное и революционизирующее влияние художественных произведений и критических трудов русских революционных мыслителей. Он писал, например, о романе Чернышевского «Что делать?»: «Кто не читал и не перечитывал этого знаменитого произведения? Кто не увлекался им, кто не становился под его благотворным влиянием чище, лучше, бодрее и смелее? Кого не поражала нравственная чистота главных действующих лиц? Кто после чтения этого романа не задумывался над собственной жизнью, не подвергал строгой проверке своих собственных стремлений и наклонностей? Все мы черпали из него и нравственную силу, и веру в лучшее будущее» [2].

Через все работы Плеханова проходит глубоко верная мысль о том, что только русские марксисты являются в новых исторических условиях продолжателями дела и наследниками традиций Белинского и Чернышевского, тогда как либеральное народничество, по существу, отказалось от этого ценного приобретения русской мысли и тем самым пошло назад в своем развитии.

Все это говорит о том, что по важнейшим вопросам истории русской философии и общественно-политической мысли Плеханов стоял в основном на верных, марксистских позициях и в своих работах 80—90-х годов и в период реакции (1908—1912 гг.) дал глубокую научную оценку истории русской общественной мысли.

Можно считать, на наш взгляд, что Плеханов уже в 80—90-х годах обосновывал научную, марксистскую концепцию по истории русской философии, исходившую в общем из марксистского, материалистического понимания истории, а в меньшевистский период, особенно с 1913—1914 гг., он, допуская серьезные ошибки, в том числе и в оценках русской общественной мысли и русского исторического процесса, особенно в незаконченной им книге «История русской общественной мысли», по ряду вопросов отступил от этой научной концепции. Это, однако, не дает основания объявлять его концепцию по истории русской философии и общественной мысли, сложившуюся еще в 80—90-х годах XIX в. и проводившуюся, хотя и не без ошибок, в годы реакции (1908—1912 гг.), антимарксистской и антинаучной, как это сделано в неплохой и полезной книге В. А. Фоминой «Философские взгляды Г. В. Плеханова» и в некоторых статьях М. И. Сидорова, опубликованных в журнале «Вопросы философии» в 1949 и 1952 гг. и в «Ученых записках» Академии

---

[1] А. Жданов. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», Госполитиздат, 1952, стр. 19.

[2] Г. В. Плеханов. Соч., т. V, стр. 114.

общественных наук. Но нельзя забывать и о слабых, ошибочных сторонах во взглядах Плеханова на историю русской философии и русской общественной мысли, которые были усугублены его политически ошибочными позициями после II съезда РСДРП, когда он стал меньшевиком, и особенно в годы первой мировой войны, когда он стал социал-шовинистом.

В работах Плеханова не исследуется и иногда недооценивается преемственность материалистических традиций в России. Если Плеханов, рассуждая о Чернышевском, видел, что последний во многом продолжал общественно-политическую и эстетическую традицию Белинского, то он ошибался, не придавая должного значения роли Белинского и Герцена в формировании философских взглядов Чернышевского, вскрывая лишь одну сторону вопроса — влияние антропологического материализма Фейербаха на мировоззрение Чернышевского. Плеханов не учитывал, что Чернышевский в философии продолжал решать те же задачи, которые стояли перед Герценом и Белинским, вел борьбу в значительной мере с теми же философскими противниками в России и на Западе, с которыми воевали они, и мог в процессе своей философской эволюции не проходить тех стадий мучительных исканий и идеалистических блужданий, какие проходил в 30-х годах Белинский, а исходить из того, что достигнуто уже Герценом и Белинским. Важнейшими источниками формирования мировоззрения Чернышевского были не только антропологический материализм Фейербаха и идеалистическая диалектика Гегеля, но и прежде всего материалистическая и революционно-демократическая традиция, сложившаяся уже в 40-х годах XIX в. в России. Чернышевский, Добролюбов, Писарев и другие революционные мыслители 50—60-х годов могли исходить и исходили в значительной мере из материалистических философских взглядов, которые существовали в момент их вступления на общественную арену в самой России. Поэтому недооценка преемственности материалистических и диалектических традиций в самой России, отсутствие научного анализа этой преемственности — серьезный пробел в работах Плеханова, принципиальная ошибка в его концепции истории русской философии. Эта ошибка связана с появившейся уже в ранних работах Плеханова недооценкой философской традиции в России.

«...серьезное отношение к методологическим вопросам возможно лишь в обществе, получившем серьезное философское образование,— писал Плеханов в «Наших разногласиях».— Русское же общество никогда не могло похвастаться таким образованием. Недостаток философского развития с особенною силою сказался у нас в шестидесятых годах, когда наши «мыслящие реалисты», создавши культ естественных наук, открыли жестокое гонение на философскую «метафизику». Под влиянием этой антифилософской пропаганды последователи Н. Г. Чернышевского не могли усвоить себе приемы его диалектического мышления, а сосредоточивали свое внимание лишь на *результатах* его исследований» [1]. Если все это в известной мере справедливо по отношению к народникам — последователям Чернышевского, усвоившим лишь слабые, ошибочные стороны его социальных воззрений, то в целом приведенное суждение Плеханова о русской философской мысли, особенно 60-х годов XIX в., односторонне и неверно, ибо русские мыслители-материалисты, в том числе и «шестидесятники», не говоря уже о Чернышевском, боролись лишь против метафизики идеалистиче-

[1] Г. В. Плеханов. Избр. философские произведения, т. I, стр. 172.

ского толка, но никогда не занимались гонениями ни на материалистическую, ни на диалектическую (в том числе и гегелевскую) традицию философской мысли, а следовали ей и развивали ее.

Ошибка во взглядах Плеханова на историю русской мысли состояла также в непонимании того, что главным в общественно-политических и социологических взглядах Чернышевского и других революционных русских мыслителей был не утопический социализм, а революционный демократизм, выражавший интересы крестьянских масс. Революционный демократизм проявился в том, что во всех сочинениях Чернышевского, Добролюбова и других русских революционных мыслителей середины XIX в. проводилась идея классовой борьбы, что Чернышевский и другие революционные демократы понимали роль народных масс в истории, начинали понимать роль экономического фактора и т. д. Плеханов видел и не раз отмечал эти замечательные черты в общественно-политических и социологических воззрениях русских революционных мыслителей, особенно Чернышевского, но не раскрыл социального эквивалента этих взглядов, не выяснил, что эти взгляды по своему характеру являются выражением крестьянского революционного демократизма. Поэтому он не понял, что не только общественно-политические, но и социологические взгляды русских революционных демократов, особенно Чернышевского, не могут быть отождествлены с просветительскими взглядами XVIII в., а тем более со взглядами либеральных социологов XIX в., хотя теоретической основой этих взглядов было идеалистическое понимание истории. Особенно это сказалось в книге Плеханова о Чернышевском, изданной в 1910 г.; в сравнении с первой публикацией этой работы в «Социал-демократе» и отдельным изданием на немецком языке (1890—1894 гг.) Плеханов допустил в издании 1910 г. ряд ошибок, в том числе такую серьезную ошибку, как исключение из книги раздела о резкой критике Чернышевским либерализма. Ленин, сравнивая оба издания книги Плеханова о Чернышевском, сделал в адрес Плеханова-меньшевика следующее критическое замечание: «Из-за *теорет[ического]* различия ид[еалистического] и мат[ериалистического] взгляда на историю Плех[ано]в *просмотрел* практич[ески]-полит[ическое] и *классовое* различие либерала и демократа» [1].

Плеханов не поднялся до единственно правильной точки зрения Ленина, который показал, что революционный демократизм Белинского, Чернышевского и других носил боевой, крестьянский характер, был выражением настроений и чаяний крепостных крестьян.

Плеханов допустил также ряд ошибок в конкретных оценках философских учений русских мыслителей XIX в. У него было ошибочное представление о том, будто просветительская и революционная точка зрения мешала развитию теоретических суждений Чернышевского и Белинского, особенно их диалектике. Факты истории русской общественной мысли опровергают это одностороннее, схематическое представление. На примерах Белинского, который в борьбе со славянофилами, и Чернышевского, который в процессе критики либерализма развивали диалектическую идею отрицания, борьбы нового против старого, безграничного движения общества вперед и т. д., можно судить о том, что так называемая «просветительная», вернее революционно-демократическая, концепция в социологии вовсе не мешала ее носителям развивать идеи диалектики, понимаемой как «алгебра революции».

---

[1] Ленинский сборник, XXV, стр. 231.

Сам Плеханов утверждал, что русские революционные мыслители завещали нам несколько попыток применения диалектического метода к решению важнейших вопросов русской общественной мысли [1].

Серьезную ошибку допустил Плеханов и в анализе философской эволюции Белинского, утверждая, что Белинский шел от шеллингианства к фихтеанству, затем к гегельянству, потом к левогегельянству и, наконец, к фейербахианству; тем самым он упростил и схематизировал действительный ход процесса развития философских взглядов Белинского. Из поля зрения Плеханова в данном случае выпала борьба классов в русском обществе, преемственность общественно-политических и философских идей в России, усвоение Белинским опыта революционных движений и социалистической мысли на Западе. Им недооценена самостоятельность и оригинальность самого Белинского как мыслителя-революционера, выражавшего интересы крепостного крестьянства, чем он весьма сильно отличался от представителей немецкой классической философии. Не менее серьезно ошибся Плеханов и тогда, когда в своих статьях о Герцене чрезмерно преувеличил значение идеалистической терминологии («непереваренной гегельянщины») в «Письмах об изучении природы» А. И. Герцена и неправильно представил это материалистическое произведение (не говоря уже о менее зрелых статьях Герцена — «Дилетантизм в науке») как выражение точки зрения... убежденного идеализма.

В работах Плеханова о Чернышевском правильно подчеркивалось влияние антропологического материализма Фейербаха на философское и этическое учение русского мыслителя, однако в них не говорилось о том, что Чернышевский не только был сторонником узкого «антропологического принципа», но и дополнял его принципом историзма, идеями борьбы «простолюдинов» против дармоедов и был свободен от религиозно-этических моментов, присущих антропологической философии Фейербаха. Все эти весьма досадные и существенные ошибки в плехановских оценках истории русской философии, конечно, снижают эффективность его научного анализа истории русской общественной мысли, но не могут поставить под сомнение ни марксистских убеждений Плеханова, ни его искренней любви и уважения к русской революционной мысли.

В последний период своей жизни, в 1913—1917 гг., работая над трудом «История русской общественной мысли», который остался незаконченным, Плеханов, будучи в это время меньшевиком, оппортунистом, а потом и социал-шовинистом, испытал влияние либеральных концепций русского исторического процесса. В его незавершенной книге «История русской общественной мысли» (особенно в 1914 г.) нашла некоторое отражение либеральная теория «государственных начал», согласно которой в России всякое начинание шло не снизу, от народных масс, а от верхов, от правительства. В этой работе он принижал революционные движения крестьянства, считая их «анархией», «смутой» и т. д.; там же проводился неверный взгляд о том, будто все сословия и классы в России были закрепощены царизмом, что борьба классов якобы не расшатывала, а укрепляла помещичье-самодержавный строй; наконец, в этой книге неверно утверждалось, что в русской общественной мысли происходило повторение тех же идей и тех же вопросов, что и на Западе, будто развитие русской об-

---

[1] См. Г. В. Плеханов. Соч., т. II, стр. 152.

щественной мысли объясняется в последнем счете логикой западноевропейского общественного развития. По сути дела это вело к неверным выводам об отсутствии в России особенностей и своеобразия исторического процесса, а следовательно, и самостоятельной, оригинальной истории общественной мысли, хотя сам Плеханов таких выводов и не сделал.

Таких ошибочных взглядов в «Истории русской общественной мысли» у Плеханова не мало и они свидетельствуют о допущенных им в это время отступлениях от марксистских взглядов на историю, от своих собственных воззрений того времени, когда он был революционным марксистом.

Поэтому изучать плехановское наследие в области истории русской общественной мысли нужно не по незаконченной им работе «История русской общественной мысли», хотя и в ней содержится ценный фактический материал, особенно о ранних периодах русской истории и о XVIII в., а по другим его работам по истории русской общественной мысли, написанным в 80—90-х годах, в начале 900-х годов и в годы реакции, примерно до 1912 г.

Однако не перечисленными ошибками и недостатками определяется суть плехановских взглядов по истории русской философии и общественной мысли.

Нельзя забывать о том, что Плеханов на протяжении многих лет с позиций диалектического материализма вел борьбу с идеологами реакции, с веховцами, либералами и т. п., отстаивал русскую передовую мысль и впервые в истории русской науки представил в истинном свете революционную русскую мысль XIX в., особенно труды Белинского, Герцена, Чернышевского. В новую историческую эпоху, в XX в., Плеханов не смог пойти дальше и двинуть вперед марксистскую теорию, в том числе и в области истории философии. Новый этап в развитии марксизма, включая и философию, связан с именем Владимира Ильича Ленина.

Ленин, великий корифей творческого марксизма, стоял и в области практически-революционной деятельности, и в области теории, в том числе и философии, несоизмеримо выше Плеханова. Именно Ленин поднял на новую, большую высоту диалектический и исторический материализм в эпоху империализма и пролетарских революций, чего не сделали и не могли сделать теоретики II Интернационала, в том числе и лучший из них — Г. В. Плеханов, слабой стороной теоретической деятельности которого было неумение творчески применить марксизм к новым историческим условиям эпохи империализма и пролетарских революций.

Ленину принадлежит заслуга глубокой и всесторонней разработки положений марксизма по истории философии (в «Материализме и эмпириокритицизме», в работе «Карл Маркс», в «Философских тетрадях» и других работах). Не кто иной, как Ленин, своими работами и высказываниями по истории русского освободительного движения, истории общественной мысли в России поставил на подлинно научную почву исследование истории русской философии, общественной мысли; ленинские работы и оценки Герцена, Белинского, Чернышевского, Некрасова, Льва Толстого и других русских мыслителей и писателей во многом превосходят оценки Плеханова, отличаясь от них строгой марксистской последовательностью, партийной принципиальностью и творческим подходом к истории развития общественной мысли в России, всесторонним учетом ее особенностей. В той борьбе за лучшие традиции философии

и общественной мысли, за ее идейное наследие, которую вел Ленин и ведет ныне Коммунистическая партия Советского Союза, марксистские труды, верные и глубокие положения Плеханова по вопросам истории русской философии и общественной мысли, служили и впредь могут служить ценным идейным оружием, способствующим победе научного материалистического мировоззрения.

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г. В. ПЛЕХАНОВА

М. Т. Иовчук. Г. В. Плеханов и вопросы истории русской философии . . 3
М. И. Суворова. Эволюция экономических взглядов Плеханова от народничества к марксизму 17

ЭКОНОМИКА

Е. С. Городецкий, С. И. Половенко. О себестоимости колхозной продукции 33
А. Б. Николаев. Милитаризация экономики и технический прогресс в США 47

ФИЛОСОФИЯ

П. И. Никитин. О законах мышления 69
С. И. Попов. Категория противоречия в логике диалектической и логике формальной 85

ПСИХОЛОГИЯ

Н. И. Непомнящая. К вопросу о психологических механизмах формирования умственного действия 99

ПРАВО

М. Г. Авдюков. Виды судопроизводств в советском гражданском процессуальном праве 109
Е. М. Ворожейкин. Обязательство по транспортно-экспедиционному обслуживанию (Правовая природа) 133
Н. Ф. Кузнецова. Вопросы общей части уголовного права Германской Демократической Республики 147

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Об улучшении преподавания общественных наук 163
На экономическом факультете
Обсуждение учебника политической экономии 166
Доклад начальника ЦСУ 178
Современный капитализм и технический прогресс 180
Лекции английского ученого 181
На философском факультете
Обсуждение доклада «Закон отрицания отрицания» 182
Обсуждение книги болгарского ученого 185
На юридическом факультете
К 10-й годовщине Нюрнбергского трибунала 188
Третий международный конгресс социологов 189
Краткие сообщения 190
Новые книги Издательства Московского университета 191

Указатель статей и материалов по экономике, философии, праву, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета» за 1956 год . . . 194

№ VIII-40796

ОЭ 19 7 г.
Акт № 396